

5. Никитин А. Ф. Оборонная промышленность Среднего Поволжья в предвоенные годы: 1938 – июнь 1941 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Пенза, 2004. 287 с.
6. О мерах к укреплению трудовой дисциплины в государственных предприятиях. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 6 марта 1929 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 11.08.2020).
7. О мерах к улучшению производственного режима и укреплению трудовой дисциплины в предприятиях. Постановление Совет Народных Комиссаров СССР от 5 июля 1929 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 11.08.2020).
8. О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28.12.1938 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 11.08.2020).
9. Об увольнении за прогул без уважительных причин. Постановление ЦИК СССР и Совета народных комиссаров СССР от 15 ноября 1932 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 11.08.2020).
10. Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. Т. 2. 1921–1937 гг. М.: Наука, 1984. 512 с.
11. Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930–е – середина 1950–х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2008. С. 17–66.
12. Соколов А. К. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды Института российской истории РАН. 2010. № 9. С. 174–224.
13. Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933-1940 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 668 с.
14. СССР в цифрах [в 1935 году]: краткий сборник статистических материалов. М.: Центр. упр. нар.-хоз. учета Госплана СССР, 1935. 316 с.
15. Труд в СССР: стат. сб. М.: Статистика, 1968. 344 с.
16. Шильникова И. В. Проблемы регулирования трудовой дисциплины на советских текстильных предприятиях в годы первых пятилеток // Экономическая история. 2016. № 3(34). С. 83–97.

УДК 130.2

Л. Г. Интымакова (Таганрог, Россия)

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Индивидуальность социального наследования: дискурсивное поле

Статья посвящена анализу дискурсивного поля, в рамках которого происходит социальное взаимодействие не только современников, но и представителей разных эпох и культур. Автор акцентирует внимание на том, что социальное наследование должно рассматри-

ваться не как утрата самоидентичности или личностной уникальности, а как обретение большей полноты своего собственного «Я» в процессе коммуникации с другими людьми.

Ключевые слова: социальное наследие, индивидуальность, личностная уникальность, дискурсивное поле, интерпретация

Проблема человека является бесспорно традиционной философской проблемой, в то же время современная наука ищет новые подходы к ее решению. К началу XXI века практически заканчивается процесс трансформации опыта сознания. Социальная теория сегодня исходит из отсутствия возможности создания концепции, способной спрогнозировать, какой и чей именно социальный опыт будет востребован следующим поколением или даже десятилетием.

Данная методологическая установка влечет за собой требование как минимум диалогизма, а по сути – полифонического подхода к исследованию столь сложного вопроса. Его рассмотрение предполагает существование дискурсивного поля, в рамках которого происходит социальное взаимодействие не только современников, но и представителей разных эпох и культур. Это общение разных поколений обогащает нас опытом других людей.

Только благодаря жизнедеятельности других людей, живших до нас или рядом с нами, мы поднимаемся на достаточную высоту понимания и осмысления мира. Е. Я. Режабек писал: «Проекции чужого опыта в моем сознании усиливают мое несовпадение с самим собой, и тем самым предуготовляют меня к превратностям жизни, к возможным ударам судьбы» [3, с. 34].

Нынешняя система научных знаний о человеке в значительной степени представляет собой результат тяготения современной науки к интеграции знаний. Методологической базой его исследования является синергетический подход к анализу социальных явлений. В рамках данной парадигмы особую значимость приобретает феномен неопределенности как объективная категория. Возникновение непреднамеренных последствий в череде действий индивида с необходимостью вызывает расхождение целей и результатов.

Механизмы социальной регуляции накопления и трансляции предшествующего опыта достаточно подробно исследованы в рамках классической рациональности. В то же время еще в XX веке приходит конец парадигме безусловной подконтрольности, всеобщей предзаданности и регулируемости социальных явлений. Ученые XXI века приходят к выводу, что в системе социума невозможно обнаружить целенаправленный набор «положительных» элементов социального наследия.

Общество не имеет возможности создавать какие-либо социальные институты или другие инстанции, которые будут в состоянии предугадать и предопределить будущую ценность или приоритетность того или иного типа опыта. Бесспорно, это не означает, что любые виды опыта равноценны, но более или менее точное прогнозирование их использования в данное время практически

невозможно. С усложнением системной упорядоченности возрастает роль неопределенностной составляющей. Соответственно, прогнозирование может быть только вероятностным.

Классическая рациональность в ее современном прочтении предполагает определенное смысловое противопоставление социального наследия самобытному и уникальному, которое традиционно элиминируется из рассмотрения, нивелируется или отвергаются. В постнеклассической концепции именно несходство и уникальность становится ценностью. «Неповторимость, уникальность каждого из нас является на сегодняшний день неоспоримым фактом», – отмечает Л. Г. Интымакова [2, с. 36]. Другой человек является значимым для нас только благодаря несходству с нами. Таким образом, социальное наследие должно рассматриваться не как утрата самоидентичности или личностной уникальности, а как обретение большей полноты своего собственного «Я» в процессе коммуникации с другими людьми. Соответственно, в процессе такого наследования умения, знания и способы мировидения другого человека становятся в нем собственным достоянием наследующей личности.

Человек в современной социокультурной ситуации все время как бы балансирует на грани различных культур: люди, с одной стороны, стремятся сохранить свою самобытность, этносы и этнические культуры, а с другой стороны, стремятся к интеграции. В этой ситуации взаимодействие с другими требует от человека понимания, уважения культурной идентичности других людей, в то время как его собственная культурная идентичность оказывается часто нарушенной, неустойчивой.

Таким образом, одной из характерных черт формирующийся культуры XXI века является взаимодействие трех ее типов: общечеловеческой, этнической и массовой культуры, не имеющей национальных корней. Как именно будут сочетаться данные типы культуры в каждом конкретном случае формирования индивидуальности, будет зависеть не только от объективных условий, но и от самого человека, от его возраста и социального статуса, от уровня его образования, от его включенности в то или иное культурное пространство, от его стремления сохранить культурную идентичность, обрести те или иные культурные смыслы.

Серьезную роль в этом процессе играет процесс социального наследования. Оно обычно рассматривается в его функциональных особенностях как наиндивидуальный процесс. При рассмотрении социального наследования абстрагируются от особенного, неповторимого в нем. Принято считать, что социализация предполагает определенную унификацию участвующих в ней субъектов, их опыта, знаний, навыков, умений. При таком подходе в стороне остаются значимые характеристики реального, телесного человека, без которых невозможен всесторонний анализ этого процесса.

Не оспаривая значимости ритуала, стереотипа, традиции в механизмах социального наследования, необходимо акцентировать внимание на роли уникальности, неповторимости конкретной индивидуальности в этом многогранном процессе. Наследие, которое конкретный субъект застает как объективную данность, предстает перед ним в бесконечном многообразии «предложений».

Логика рационального исследования данной проблемы с необходимостью выводит нас на идею общности, коллективности, социальности наследования, а также на мысль о бесконечном прогрессе как процесса социального наследования в целом, в котором реальному человеку отводится достаточно пассивная роль, несмотря на возможность выбора, так и самого наследия как содержания этого процесса.

Однако за рамками научных построений остается вопрос о том, почему мы усваиваем получаемую, казалось бы, в идентичных объемах информацию в разной степени, в разном количестве, по-разному ее интерпретируя, игнорируя иногда кажущиеся другим необходимыми вещи или идеи. Кроме того, действительность постоянно демонстрирует нам все новые и новые примеры невозможности до конца понять основания ориентации человека в бесконечном пространстве социального опыта. Решение этой проблемы на уровне рациональности так и не было найдено.

Это не означает невозможности теоретического исследования этих факторов, однако акценты в нем должны быть смещены с коллективного, тотального, массового, общего на индивидуальное, уникальное, неповторимое, единичное.

Выявление конкретных механизмов индивидуального усвоения общественного наследия, социального опыта традиционно является прерогативой социальной психологии, в рамках исследования социализации индивида. Этот подход является методологически верным, но явно недостаточным, поскольку, среди прочего, необходимо обнаружение и исследование таких индивидуальных предпочтений, подходов и особенностей, которые в социальной психологии не учитываются в полной мере.

Эта задача достаточно сложна для выполнения в рамках сегодняшней системы знаний, но определенные механизмы исследования этих процессов обнаруживаются в последнее время в междисциплинарных исследованиях, в изменении дискурса самой рациональности и в некоторых других фактах.

Еще одна проблема связана со сложностью адекватного усвоения социального наследия, «правильной» расшифровки закодированной в нем информации. Ведь наша индивидуальность накладывает отпечаток и на отношение к наследию, и на его интерпретацию.

Более того, адекватная его «расшифровка» в определенном смысле возможна только тогда, когда мы сможем реконструировать неповторимые особенности эпохи, к которой относится данный пласт информации, и даже индивидуальные особенности ее автора, если речь идет о теоретическом наследии.

Как писал М. Бахтин, «мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы...» А они, в свою очередь, также зависят от индивидуальных предпочтений наследующего, от его насущных задач, проблем, способностей и возможностей.

Рассматриваемая проблема имеет еще целый ряд аспектов, но общий вывод очевиден: социальное наследование может быть только индивидуализированным социальным наследованием, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» [1, с. 335].

В науке выработаны различные подходы к трактовке культурных ценностей и их значимости в жизнедеятельности личности. Аксиологический подход акцентирует внимание на механизме интериоризации, перевода культурных ценностей во внутренний мир личности. Деятельностный подход концентрируется на механизме экстериоризации, на воплощении человеческих сил и способностей в объективные, социально значимые ценности и продукты деятельности человека. Семиотический подход рассматривает культуру как совокупность знаков, тексты, в которых закодирована социальная информация, вложенные в них человеком содержание, значение, смысл.

Однако, несмотря на разнообразие подходов, решение, как правило, сводится к тому, что человек «приобщается» к ценностям культуры, а она традиционно надстраивается над человеком, а не проявляется в его собственном бытии, житнетворчестве, свободе.

Соответственно, смысл культурного развития человека переносится в этой системе с него самого на определенные предметные формы, вещи, которые, в конечном счете, и детерминируют извне развитие личности. Таким образом, сама личность становится объектом определенных внешних воздействий, в то время как она должна являться субъектом собственной жизнедеятельности. Эта ситуация имеет объективные основания: чтобы стабильно функционировать, общество должно воспроизводить сознание, адекватное своему способу существования.

Выход за рамки классической рациональности с неизбежностью приводит нас к выводу о том, что выбор всегда крайне индивидуализирован. Он обусловлен в известной степени генетически, но это не единственная детерминанта. В течение всей жизни конкретного индивида появляются все новые детерминирующие его факторы. Однако невозможно говорить об их жесткой рациональной обусловленности. В огромном большинстве случаев этот выбор определяется и иррациональными факторами, не поддающимися логическому анализу.

Индивидуальность человека рождается, таким образом, на пересечении разных генеалогий. Это определяет уникальность каждого из нас. Эта непохожесть выработана всей предшествующей историей с ее непредсказуемыми изменениями и неожиданными поворотами. Кроме того, способность строить свое будущее во многом определяется именно уникальностью задатков челове-

ка. Любой из нас может повторить вслед за Р. Рильке: «Здесь ничто без меня не завершено и ничто не успело стать» [4, с. 19], поэтому эпоха масс сменяется в конце XX века эпохой личностей. В общественном сознании происходит сдвиг от массово-количественных к индивидуально-качественным ориентирам.

Современная эпоха, избавляющая человека при помощи компьютерных технологий от необходимости запоминать максимум информации, ставит перед ним принципиально иные задачи: научиться самостоятельно, творчески мыслить, принимать ответственность за свои решения и т.п. И в нашей стране, и за рубежом как никогда раньше люди на практике убеждаются, что жизнеспособно лишь единое в своем многообразии общество.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; подгот. текста Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 423 с. (Из истории советской эстетики и теории искусства).

2. Интымакова Л. Г. Формирование ценностных ориентаций личности как способ воспитания толерантной личности в поликультурном социуме // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2018. № 2. С. 35-39.

3. Режабек Е. Я. Что такое постиндустриализм // Инновационные подходы в науке: Теоретические и методологические проблемы социогуманитарного познания: сб. ст. / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д, 1995. 225 с.

4. Рильке Р. М. Часослов. Часть II – Книга о Паломничестве (1901). СПб.: Азбука; Книжный клуб «Терра», 1998. 48 с.

УДК 101.1:316

*Е. И. Кузнецова, Е. Е. Семенов (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова*

Визуальная образность: эффекты суггестии

В статье анализируется социокультурный феномен визуальной образности в современной рекламной коммуникации. Визуальный уровень рекламного текста рассматривается как семиотическое пространство, обращенное к эмоциональной сфере личности, в том числе к ее ценностным категориям и эстетическим предпочтениям. Визуальная образность рекламы признается ее эмоциональной доминантой, суггестивный потенциал визуальных образов соотнесен с их иконической природой, что включает феномен рекламы в структуры рефлексивного познания и интерпретации мира.

Ключевые слова: визуальная образность, рекламная коммуникация, медиареальность, суггестия, символическое пространство.